

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161,
ББК 83
DOI 10.18522/1995-0640-2021-3-21-29

**БЫТОВАЯ ИСПОВЕДЬ В БЫТИЙНОМ ДИСКУРСЕ:
ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА
(на материале повести А.П. Чехова «Огни»)**

М.Б. Самойлова, Н.А. Раннева

Ростовский государственный медицинский университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Жанр бытовой исповеди в бытийном дискурсе художественного текста представляет собой рефлексии персонажа по поводу нарушения моральных норм с обобщением личного опыта, в результате которого изменяется не только его мировоззрение, но и поведение. Эмотивная тональность исповеди в рамках художественного текста может иметь различную интенцию, но всегда модальность исповедального монолога, связанная с критикой собственного поведения, является мощнейшей тактикой авторского воздействия на сознание читателя.

Ключевые слова и фразы: *бытийный дискурс, бытовая исповедь, эмоциональная точность, искренность, совесть, раскаяние.*

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена спецификой дифференцированного дискурсивного подхода к анализу художественного текста, востребованного в настоящее время в связи с изучением коммуникации в свете теории речевых жанров. Целью данной работы является определение структурных, интенциональных, содержательных и экстралингвистических характеристик жанра бытовой исповеди в бытийной коммуникации в повести «Огни», где автор выявляет ценностное пространство и философское мировоззрение персонажей посредством аффективного речевого воздействия, представленного исповедальным монологом.

В настоящее время жанровая природа дискурса активно исследуется лингвистами. Так, К.Ф. Седов убедительно доказывает с позиций психолингвистики, что дискурсивное мышление носит жанровый характер, поскольку сам процесс формирования мысли устремляется в рамки определенного жанра. Дискурсивный анализ с речеведческих позиций рассматривается в научных статьях М.Н. Кожиной.

О важности изучения бытийной коммуникации в художественной прозе свидетельствует отношение к таковой философов. Так, С.Н. Бул-

гаков считал истинное искусство «высшей деятельностью духа», открывающей путь к познанию мира посредством художественного мышления, признавал преимущество мыслителя-художника перед ученым-философом в том, что художник говорит простым и доступным языком и его образы находят дорогу к каждому сердцу [Булгаков, 2010, с. 131–133].

Искренность, исповедальность русской литературы XIX в. являются ее чертами несомненными так же, как и философская направленность, стремление приблизиться к пониманию смысла бытия. Бытийный дискурс в художественном тексте отражает поиск и переживание персонажами онтологических смыслов. Бытийное общение, по мнению В.И. Карасика, отличается стремлением коммуникантов «к точности обозначения понятий и представлений» [Карасик, 2002, с. 243]. В художественном произведении важна эмоциональная точность, т.е. ассоциативная корреляция смыслов, «позволяющая автору актуализировать ту или иную деталь, по которой у читателя или слушателя возникает адекватная конкретная картина целостного обозначения пережитого автором впечатления» [Там же, с. 246]. Эмоциональная точность достигается динамикой образов, синтезом впечатлений и опорой на прецедентные тексты, феномены, события, имена. К особенностям бытийного дискурса В.И. Карасик относит концентрацию смысла в афоризмах, сентенциях, парадоксах [Там же, с. 250].

Как предмет лингвистического интереса бытийный дискурс описан нами в предыдущих исследованиях на материале произведений А.П. Чехова [Самойлова, Раннева, 2015, 2019].

Особенности речежанрового представления в художественной прозе А.П. Чехова впервые осветил А.Д. Степанов в монографии «Проблемы коммуникации у Чехова». Согласно классификации речевых жанров А.Д. Степанова исповедь относится к разряду экспрессивных жанров, «выражающих прежде всего эмоции говорящего и представляющих его слово о себе и своих чувствах» [Степанов, 2005, с. 192]. В зависимости от цели и адресата исповедь представлена протожанрами церковной, литературной и бытовой исповеди. Церковная исповедь обращена к Богу и ведет к покаянию, литературная – адресована читателю, т.е. обезличенному реципиенту, и, наконец, бытовая исповедь – откровение, предназначенное конкретному адресату.

Рассматривая особенности бытовой исповеди, Н.Н. Панченко обращает внимание на дискурсивную роль адресата, стимулирующего откровенность собеседника.

К формальным характеристикам исповеди как речевого жанра следует отнести монологичность, свободу композиции, повествование от первого лица. Содержательная сторона исповеди автобиографична, не выдумана, документальна. Искренность и открытость определяют тональность повествования и являются его обязательными экстралингвистическими факторами. Модальность исповедального высказывания всегда связана с самоосуждением, т.е. критикой собственного сознания и поведения, и зависит от моральных установок адресанта. Интенцио-

нальность церковной исповеди и литературной однонаправлены: в первом случае – это покаяние, во втором – самовыражение в творчестве. Интенции же бытовой исповеди определяет речевая ситуация. «Исповедник» решается на откровенность с различными целями: установить близкий контакт с собеседником; получить прощение путем самоосуждения и раскаяния, т.е. вернуть расположение адресата; доказать несостоятельность своих прежних взглядов; рассказать о фактах своей биографии с целью получить совет, сочувствие или, напротив, получить право, опираясь на личный опыт, дать совет или посочувствовать и т.п. [Самойлова, 2013].

Исследование и его результаты

Персонажи чеховской прозы часто открывают друг другу сокровенные, неприглядные тайны своей жизни с различными целями. В повести «Огни» заблудившийся по дороге к знакомому доктор оказывается в компании строителей железной дороги – инженера Ананьева и его помощника студента фон Штенберга. Ананьев – человек, состоявшийся в профессии, нашедший свою дорогу в жизни, имеющий «определенный взгляд на вещи», один из немногих героев А.П. Чехова, живущих в гармонии с собой и с миром. Но к этому состоянию уверенности, умиротворенности он пришел путем преодоления порочного нигилизма молодости, путем раскаяния и исправления ошибок. Вдали от цивилизации Ананьев истосковался по общению, он легко сходится с людьми, рад новому собеседнику. Поводом к бытийной коммуникации в рассказе служит реплика студента о бренности жизни: «Теперь мы строим железную дорогу, стоим вот и философствуем, а пройдут тысячи лет, и от этой насыпи и от всех людей, которые теперь спят после тяжелого труда, не останется и пыли. В сущности это ужасно!» [Чехов, с. 107; далее при цитатах из этого произведения указаны только страницы в круглых скобках]. Ананьев призывает собеседника не поддаваться мыслям о смерти и бессмысленности жизни, которые, как он считает, выстраданы и естественны в старости. Из описания констатации очевидно, что инженер любит пофилософствовать, а студент слушает его со «снисходительным равнодушием», изредка реагируя на инсинуации собеседника краткими репликами.

Свои рассуждения Ананьев начинает, используя модель научного философского дискурса – характеристику предмета: «Мысли о бессмысленности жизни, о ничтожности и бренности видимого мира, соловьиная «суега сует» составляли и составляют до сих пор высшую и конечную ступень в области человеческого мышления» (с. 110). Затем он, обобщая собственный опыт, представляет свои мысли как типичные для определенной группы людей: «Наше несчастье в том, что мы начинаем мыслить именно с этого конца. Чем нормальные люди кончают, мы начинаем... Нам кажется, что мы умнее толпы и Шекспира» (с. 112). Эмотивность речи Ананьева передана автором в восклицательных высказываниях и риторических вопросах, в ассоциативной метафоре

лестницы-жизни, в оценочной лексике, в использовании прецедентных имен. Инженер пытается убедить студента в том, что юношеский пессимизм относительно смысла жизни безнравственен и «что при таком несчастном способе мышления невозможен никакой прогресс ни науки, ни искусства, ни само мышление» (с. 111).

Бытийное оценочное утверждение «Наше мышление не так невинно, как вы думаете» требует доказательств, которые готов предоставить инженер, опираясь на свой жизненный опыт. Студент молчит. Доктор обнаруживает свой интерес короткой репликой: «Например?». Отвечая на вопрос, инженер определяет дидактическую цель своего исповедального монолога: «Например, взять хоть такой случай... Прекраснейший урок! Ах, какой урок!» (с. 112).

Встретившись впервые, собеседники подружились и сошлись сразу, как будто были давно знакомы. Для сокращения коммуникативной дистанции инженер наливает всем вина и начинает автобиографичное повествование – «целый роман с завязкой и развязкой».

Исповедь Ананьева представляет собой композиционно целостный рассказ в рассказе. Описание хронотопа, собственных эмоций, желаний и переживаний с лирическими отступлениями описаний природы предваряют размышления персонажа о его мировоззрении на момент упоминаемых событий: «Мне было тогда не больше двадцати шести, но я уж отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла...» (с. 113). В ретроспективе Ананьев оценивает эту философию нигилизма как пагубную привычку, которая становится потребностью, с самоиронией вспоминает свои мысли о ничтожности Канта как философа. И тут он уже обобщает свой ментальный опыт, используя местоимение «вы» и как бы обращаясь к собеседнику: «Каждой минутой одиночества и каждым удобным случаем вы пользуетесь для того, чтобы посладостратничать мыслями о бесцельной жизни и загробных потемках» (с. 114 – 115). Повествуя о нелицеприятном событии из своей жизни, персонаж подвергает беспощадной критике не только свои поступки, но и свое отношение к ним. Прежде чем поведать слушателям о встрече, изменившей его мировоззрение, он признается, что отношение его к женщинам в то время было оскорбительным, и совесть не мучила его, хотя по рождению, воспитанию, религиозным убеждениям, образованию, должен был понимать безнравственность такого положения вещей. Рассуждение о вреде философии нигилизма оформлено в речи персонажа по всем правилам бытийного дискурса вводными словами порядка мысли (во-вторых, в-третьих), обобщающими сентенциями («Кто знает, что жизнь бесцельна и смерть неизбежна, тот очень равнодушен к борьбе с природой и к понятию о грехе»), логическими цепочками («Где рассудочность, там холодность, а холодные люди не знают целомудрия»; «... наше мышление, отрицая смысл жизни, тем самым отрицает и смысл каждой отдельной личности»). Определенно личные обобщения обличают порочность мыслей самого рассуждающего персонажа. Далее Ананьев в подробностях и не щадя себя повествует о встрече с Кисочкой, молодой

женщиной, которую он по стечению обстоятельств соблазнил, обманул признанием в любви и бросил, убежав из города.

Исповедь всегда тяжелое эмоциональное испытание, поскольку исповедник снова переживает чувство вины и стыда: «Ананьев покраснел и умолк... Ему уж было стыдно и тяжело вспоминать, и он боролся с собой» (с. 131). Но суть исповеди в рефлексии, а следствием ее должно быть самоосуждение, признание вины и раскаяние. В ретроспективе Ананьев оценивает свое эмоциональное состояние, которое приводит его к самоосуждению: чувство досады на себя, жалость к женщине, беспокойство, «я чувствовал себя вором, которому страстно хочется бежать», «беспокойство все росло и росло», «я уже ясно осознавал, что мною совершено зло, равносильное убийству», «меня мучила совесть», «было ощущение тоски», мысли о сумасшествии. Привычная философия, за которую можно спрятаться и оправдаться, не помогала. Герой понимает, что это вовсе не философия, а скорее всякое ее отсутствие. «Если я не любил говорить ложь, не крал, не убивал и вообще не делал очевидно грубых ошибок, то это не в силу своих убеждений – их у меня не было, а просто только потому, что я по рукам и ногам был связан нянюшкиными сказками и прописной моралью, которые вошли мне в плоть и кровь и которые незаметно для меня руководили мною в жизни, хотя я и считал их нелепостью» (с. 135) – очень важное признание, которое свидетельствует о том, что основы нравственности коренятся в детстве и определяются средой и воспитанием, а не философией.

Рефлексия случившегося изменила мировоззрение персонажа, помогла понять всю аморальность его образа мыслей. Индикатором моральной оценки ситуации стала совесть, которая «погнала» его обратно, заставила покаяться перед Кисочкой и вымолить у нее прощение. Ананьев закончил исповедь кратким описанием своего последнего свидания с Кисочкой и умолк.

Кажется, что исповедальный рассказ инженера не убедил студента, который с упрямством молодости сообщает ему об этом. Но перемена его эмоционального состояния от «мозговой лени» и равнодушия до раздражения свидетельствует о том, что эта исповедь оказала определенное воздействие на него, заронила сомнение и интерес к проблеме. Беседа не окончена. Студент задает вопрос: «Мысли, которых вы не любите, для молодых губительны, для стариков, как вы говорите, составляют норму. Откуда эта старческая привилегия? Уж коли эти мысли – яд, так яд для всех одинаково» (с. 136).

Автор очень тонко обращает внимание читателя на смену настроения Ананьева, комментируя его реплику: «Э, нет, душа моя, не говорите! – сказал инженер и хитро подмигнул глазом». Он достиг цели своим откровением, понимает это и продолжает свои рассуждения, отвечая на вопрос студента: у стариков пессимизм «имеет за собой личный опыт и прочное философское развитие», во-вторых, он у них составляет «мировую боль, страдание», «имеет христианскую прокладку, потому что вытекает из любви к человеку» (с. 137).

Обобщающие сентенции бытийного дискурса не столько обращены к студенту, сколько указывают на типичность философских взглядов определенной группы молодых людей: «Вы презираете жизнь за то, что истина скрыта от вас, и боитесь только своей собственной смерти, настоящий же мыслитель страдает, что истина скрыта от всех, и боится за всех людей».

О том, какое воздействие оказала исповедь на доктора, можно судить по его признанию: «Многое было сказано ночью, но я не увозил с собой ни одного решенного вопроса, и от всего разговора теперь утром у меня в памяти, как на фильтре, оставались только огни и образ Кисочки» (с. 140). Избирательность сознания в данном случае на стороне эмоций. Рациональная суть бытийного дискурса проблематична, сложна, неоднозначна, зато мощный эмотивный посыл исповеди оставляет в памяти образ конкретного страдающего человека и вызывает сочувствие.

Таким образом, бытовая исповедь в бытийном дискурсе является мощнейшей тактикой речевого воздействия и в то же время аргументом, подтверждающим истинность философских сентенций исповедника, поскольку само его мировоззрение выстрадано. В сюжетной композиции исповеди завязка повествует о предпосылках нарушения нравственного закона и о самом нарушении, кульминация – об осознании содеянного зла, о муках совести, развязка – о раскаянии. Здесь важно определить понятие совести: «Совесть – нравственное сознание; нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором открывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине, добру, отвращающее ото лжи и зла...» [Даль, 1935, т. 4, с. 262 – 263]. Не каждый человек обладает этим «чутьем» или «свойством» и стремится к добру, побеждая в себе зло. Чеховский персонаж Ананьев этим чутьем обладает. Только такие люди способны на искренность и прилюдное самоосуждение. «Хороший человек!» – говорит о нем студент.

Заключение

Подводя итоги изложенному, можно констатировать, что по структуре бытийный дискурс, представленный в повести, характеризуется постановкой вопроса, на который персонаж ищет ответ, опираясь на свой жизненный опыт и знания, сравнивая данную экзистенциальную коллизию с прецедентными феноменами, текстами, событиями, ссылаясь на прецедентные имена. Эмоциональная точность в рассуждении и определении понятий в речи персонажей повести достигается мастерством автора в создании художественных образов посредством сравнений, аналогий, метафор, обобщений, сентенций. Бытовая исповедь в рамках бытийного дискурса является здесь средством убеждения с дидактической интенцией, поэтому исповедник не ограничивается в своем повествовании только событиями собственной жизни и их анализом, но и продолжает рассуждение на заданную тему, оставаясь в стихии бы-

тийной коммуникации. Важную роль в исповедальном монологе играют экстралингвистические факторы: искренность, эмотивность раскаяния, которые оказывают психологическое воздействие на адресата и меняют его отношение к проблеме.

Литература

- Булгаков С.Н. (2010) Чехов как мыслитель. Публичная лекция // *Булгаков С.Н. Интеллигенция и религия*. СПб.: Изд-во Олега Абышко, Сатись. С. 128 – 162.
- Винокур Т.Г. (1989) К характеристике говорящего. Интенция и реакция // *Язык и личность*. М.: Наука. С. 11 – 23.
- Даль В.И. (1935) Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Художественная литература. Т. 4.
- Карасик В.И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Кожина М.Н. (2004) Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // *Текст – Дискурс – Стилль: сб. науч. статей*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. С. 9 – 33.
- Панченко Н.Н. (2011) Исповедь как жанр доверительного общения // *Жанры речи: сб. науч. статей*. Саратов: Гос УНЦ «Колледж». С. 28 – 34.
- Седов К.Ф. (1999) О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // *Жанры речи: сб. науч. статей*. Саратов: Гос. УНЦ «Колледж». Вып. 2. С. 13 – 18.
- Самойлова М.Б. (2013). Тактики убеждения в разных типах дискурса в художественной прозе А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 196 с.
- Самойлова М.Б., Раннева Н.А. (2015) Законы гармоничного общения в аксиосфере творчества А.П. Чехова // *Изв. ЮФУ. Филол. науки*. № 2. С. 26 – 30.
- Самойлова М.Б., Раннева Н.А. (2019) Структурные и концептуальные особенности бытийного дискурса в художественной прозе А.П. Чехова // *Изв. ЮФУ. Филол. науки*. № 1. С. 42 – 49.
- Степанов А.Д. (2005) Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры. 400 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1977.

References

- Bulgakov S. N. (2010) Chekhov as a thinker. Public lecture. *Bulgakov S. N. Intelligentsia and religion*. St. Petersburg, pp. 128-162. (In Russian).
- Chekhov A. P. (1977). *Complete collection of works and letters*: in 30 vols., vol. 7. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Dal V. I. (1935) *Dictionary of the living Great Russian language* (in 4 vols). Moscow, Khudozsesvennaya literatura. Vol. 4. (In Russian).
- Karasik V. I. (2002) *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russian).
- Kozhina M. N. (2004) Discourse analysis and functional stylistics from the speech-research positions. *Text. Discourse. Style: Collection of scientific articles*. St. Petersburg, pp. 9-33. (In Russian).
- Panchenko N. N. (2011) Confessions as a genre of confidential communication. *Genres of speech: Collection of scientific articles*. Saratov, State UNC "College", pp. 28-34. (In Russian).

Sedov K. F. (1999) On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality. *Genres of speech: Collection of scientific articles*. Saratov, State UNC "College", Issue 2, p. 13-18. (In Russian).

Samoilova M. B. (2013) *Tactics of persuasion in different types of discourse in A. P. Chekhov's fiction*. Thesis. Rostov-on-Don. 196 p. (In Russian).

Samoilova M. B., Ranneva N. A. (2015) Laws of harmonious communication in the axiosphere of A. P. Chekhov's creativity. *Bulletin of Southern Federal University. Philology*, no. 2, pp. 26-30. (In Russian).

Samoilova M. B., Ranneva N. A. (2019) Structural and conceptual features of the existential discourse in the artistic prose of A. P. Chekhov. *Bulletin of Southern Federal University. Philology*, no. 1. pp. 42-49. (In Russian).

Stepanov A.D. (2005) Problems of communication in Chekhov. Moscow, Languages of Slavic culture. 400 p. (In Russian).

Vinokur T. G. (1989) To describe the speaker. Intention and reaction. *Language and personality*. Moscow: Nauka, pp. 11-23. (In Russian).

Marianna B. Samoilova, Nina A. Ranneva (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Everyday Life Confession in the Existential Discourse: Features of the Genre (on the Basis of the Story by A.P. Chekhov "The Lights")

Existential discourse in a literary text reflects the characters search for an experience of ontological meanings. Existential communication is characterized by the desire of communicants to define accurately the concepts and associatively represent experiences and emotions. Emotional accuracy in reasoning and defining concepts in the speech of the characters is achieved by the author's skill in creating artistic images. The structure of existential discourse is characterized by the formulation of the question to which the characters must find the answer, based on their own or someone else's life experience and knowledge, comparing this life situation with precedent phenomena, texts, events, referring to precedent names, building logical chains, proving or refuting statements.

The purpose of this study is to analyze the speech genre of the everyday life confession in the existential discourse presented in A.P. Chekhov's story "The Lights". Confession is always an emotional shock, because the confessor experiences again the sense of guilt and shame for the evil he has done. The essence of confession is the reflection which results in self-condemnation and remorse. The confessional tone of the character's speech allows the author to create his image and generalize his personal experience, deducing philosophical maxims and aphorisms from it. The powerful emotional message of the confession leaves in the memory of the interlocutor the image of a specific suffering person and evokes sympathy. The everyday life confession here is a tactic of speech influence and at the same time an argument confirming the validity of the confessor's philosophical maxims, since his very worldview has been suffered.

Key words: *existential discourse, speech genre, everyday life confession, emotional accuracy, sincerity, remorse.*

Сведения об авторах / Information about the authors

Самойлова Марианна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка № 2 Ростовского государственного медицинского университета, Ростов-на-Дону, Россия. Тел. 8-905-431-38-88, e-mail: maryannasam@mail.ru

Раннева Нина Александровна – канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка № 2 Ростовского государственного медицинского университета, Ростов-на-Дону, Россия. Тел. 8-918-527-87-67, e-mail: ranneva_na@mail.ru

Marianna B. Samoilova – Ph.D. of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language No. 2, Rostov State Medical University. Rostov-on-Don, Russian Federation. Phone: 8-905-431-38-88, e-mail: maryannasam@mail.ru

Nina A. Ranneva – Ph.D. of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language No. 2, Rostov State Medical University. Rostov-on-Don, Russian Federation. Phone: 8-918-527-87-67, e-mail: ranneva_na@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2021, принята к публикации 17.06.2021.
The article was submitted 10.03.2021, accepted for publication 17.06.2021.